

Амина Волкова

ИЗМЕНА МУЖА.
В графе «Дети»
ТЫ ПОСТАВИЛ *прочерк!*

Амина Волкова

**Измена мужа. В графе
«Дети» ты поставил прочерк!**

«Автор»

2026

Волкова А.

Измена мужа. В графе «Дети» ты поставил прочерк! /

А. Волкова — «Автор», 2026

Я узнала об измене мужа случайно: его беременная секретарша позвонила в машину похвастаться дорогой коляской. Вечером Олег выгнал нас с семилетней дочерью из квартиры, заблокировал счета и сунул заявление на развод. В графе «Дети» он написал: «Нет». Но это оказалось только началом. Пока я растила дочь и вела бухгалтерию, муж подделывал мои подписи, выводил миллионы и оформлял на меня чужие долги. Теперь я работаю аудитором у Игоря Соколова — влиятельного человека, которого Олег годами обкрадывал. Мой новый начальник предлагает поддержку. Но смогу ли я довериться ему после стольких лет предательства, когда на кону свобода, будущее дочери и право снова любить?

© Волкова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Амина Волкова

Измена мужа. В графе «Дети» ты поставил прочерк!

Глава 1

Полиэтиленовые ручки пакетов врезались в ладонь до белых полос, но я не обращала внимания. Внутри приятно позвякивали баночки с оливками, шуршала свежая зелень, пахло горячим багетом из пекарни на углу. Пятница. Я ушла из офиса пораньше, чтобы запечь утку с яблоками — Олег всю неделю жаловался, что на объектах его замучили проверками, и просил «домашнего тепла».

Я дернула тяжелую дверь кроссовера, впуская в салон сырой ноябрьский сквозняк, и плюхнулась на переднее сиденье.

— Еле дотащила, — выдохнула я с улыбкой, поворачиваясь к мужу. — Взяла ту пастилу, которую Ксюша любит, и...

Слова застряли в горле. Олег даже не повернул головы. Он сидел, вцепившись побелевшими пальцами в кожаный руль, а из динамиков штатной мультимедиа, глухо вибрируя в обшивке дверей, раздавался звонкий, захлебывающийся от восторга женский смех.

— ...Олежек, пусик, ну ты бы видел! — визжал динамик молодым, до боли знакомым голосом нашей секретарши Насти. — Коляска просто отвал башки! Бежевая с золотым шасси, как в каталоге! Я уже залог внесла с твоей кредитки. Слушай, ну когда ты уже своей клуше всё выложишь? Сколько можно под неё подстраиваться? У меня от одного запаха её котлет токсикоз начинается, когда ты домой от нее приезжаешь!

Я всё ещё держала пакеты на коленях. Банка с оливками давила в бедро, но сдвинуть её я не могла. Настя говорила о моих котлетах. Не о чужой жене, не о какой-то женщине из анекдота — обо мне. И Олег сидел рядом, слушал её и даже не пытался перебить. Я ждала, что он сейчас скажет: «Ты что несёшь?» Почему он молчит?

— Олег... — мой собственный голос прозвучал чужим, сиплым шепотом. — Выключи это. Сейчас же выключи. Что она несет?

Олег ткнул в экран, промахнулся, ткнул ещё раз. Смех оборвался. Он повернулся ко мне, и я поняла, что извинений не будет: рот уже скривился так, как бывало, когда я напоминала о неоплаченном счёте. На щеках выступили пятна. Он злился, что я услышала, а не на то, что она сказала.

— Ты чего уши развесила? — рявкнул он, нажимая на газ так, что машина с визгом вылетела с парковочного места. — Совсем берега попутала со своей подозрительностью?

— Что она сказала про коляску?! — я задохнулась от унижения, пальцы задрожали. — Какая кредитка, Олег? Какой токсикоз?!

— Заткнись, Вера! — он ударил ладонью по рулю, заставив меня вздрогнуть. — Девчонка пошутила! У нее с юмором перегибы, ты же знаешь Настю. Помогла мне с подарком для прораба, у того внук родился, а ты уже трагедию вселенского масштаба строишь! Вечно твоя бабская паранойя, вечно ты мне кровь сворачиваешь после работы!

Прорабу в подарок. Внук. Если бы Настя не назвала меня клушей, я, наверное, ещё стала бы перебирать в уме его прорабов, вспоминать, у кого взрослые дети. Я всегда искала объяснение, с которым можно прожить ещё один день. Олег это знал и торопливо подсовывал мне очередное.

Только на этот раз я не хотела помогать ему врать. Пусть хотя бы договорит, не прячась за чужого внука.

Телефон лежал разблокированным в подстаканнике. Я перегнула через консоль и выхватила его, пока Олег продолжал объяснять, какая у меня паранойя.

— А ну отдай, дура! — взревел Олег.

Смахнув уведомления, открыла мессенджер. Олег кричал рядом, но я уже искала её имя. Чат с «Настей-офис» был закреплен в самом верху.

Первое, что обожгло глаза — фотография. Настя в одном кружевном белье перед зеркалом, надутые губки и уже отчетливо округлившийся, аккуратный живот. Подпись: *«Папочка, мы растем не по дням, а по часам. Ждем тебя сегодня. Скажи этой корове, что у тебя ночная заливка бетона, сил нет делить тебя с ней»*. А ниже — десятки смайликов-сердечек от Олега и его ответ: *«Скоро всё решу, малыш. Квартира будет нашей»*.

Пять месяцев, судя по животу. Я попыталась вспомнить, когда он впервые сказал про ночную заливку. Летом? Тогда я гладила рубашку, пока он искал чистые носки. Ещё варила ему бульон: «Желудок хватает, Верунь, ничего не лезет». В другое утро не успела даже проводить — досводила его баланс. Он уехал к ней, а я сидела над цифрами и радовалась, что хоть с едой ему угодила.

— Тварь... — выдохнула я, глядя на экран через застилающие глаза слезы. — Какая же ты тварь...

— Я сказал, отдай телефон! — Олег с визгом резины ударил по тормозам прямо на обочине съезда с шоссе.

Он поймал моё запястье и сдвинул его. Я вскрикнула, но телефон не отдала; на экране оставалось его «Квартира будет нашей». Олег начал разжимать мне пальцы по одному. Ноготь зацепился за чехол, треснул. Больше всего было не это — он делал всё молча, деловито, как если бы открывал слишком туго затянутую гайку.

— Ты забыла, кто в доме хозяин?! — прошипел он мне в лицо, брызгая слюной. Его глаза налились дурной, животной яростью. Я смотрела на его руку на своем запястье и впервые думала не о том, как его успокоить, а о том, как выбраться. — Еще раз сунешь свой нос в мои дела — я тебя прямо здесь, на трассе вышвырну! Пойдешь пешком по грязи со своими пакетами, поняла меня?! Заткни пасть и сиди смирно!

Он вырвал трубку, сунул в карман куртки и снова вдавил педаль газа.

Я спрятала руку между коленями. Средний палец не разгибался сразу, приходилось помогать другой рукой. На губе выступила кровь: во время рывка я прокусила её и не заметила. Облизнула, ощутила солёное и отвернулась к стеклу. Плакать рядом с ним сейчас было бы почти то же самое, что просить вернуть телефон.

Дома Ксюша ждала пастилу. Я ещё утром обещала, что привезу после работы, — и она наверняка выглядывает в коридор, пока мама читает сказку. Я нащупала в пакете коробочку. Целая. Держалась за неё и пробовала дышать так, чтобы к приезду перестало трясти плечи. Дочь не должна первой увидеть, что он со мной сделал.

Пусть довезёт. Я заберу Ксюшу, закрою детскую дверь и тогда поговорю с ним. Здесь, возле съезда, у меня даже выйти толком некуда.

Глава 2

В прихожей нашей просторной трёшки пахло детским мылом и супом. Из детской доносился негромкий голос моей мамы, читающей Ксюше сказку.

— Мама пришла! — раздался топот маленьких ножек, но я успела перехватить дочку в дверях, присела на корточки и крепко прижала к себе, пряча лицо в ее шелковистых волосах.

— Солнышко, побудь с бабушкой в комнате, ладно? — шепнула я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Нам с папой нужно срочно обсудить взрослые документы по работе. Поиграйте пока в куклы.

— Верочка, что-то случилось? — мама вышла в коридор, тревожно вглядываясь в мое бледное лицо и растрепанные волосы.

— Всё нормально, мам. Закройте дверь, пожалуйста.

Прикрыв детскую дверь, повернулась к Олегу и указала на кухню.

— Зайди. Надо поговорить. Спокойно.

Олег скинул ботинки, один отлетел под тумбу. Обычно я потом ставила их рядом. Теперь прошла мимо. Он заметил, усмехнулся и первым пошёл на кухню; оглянулся уже в дверях, словно приглашал меня выслушать выговор в моём же доме.

На кухне я села за стол, сложив онемевшие руки на коленях, чтобы не выдать дрожь.

— Я всё видела, Олег. Отпираться бессмысленно. Мы разводимся. Завтра же подаем заявление. Квартиру делим пополам, на Ксюшу ты платишь алименты по соглашению — тридцать процентов от твоего реального дохода, а не ту минималку, которую ты рисуешь в налоговой. Машину оставь себе. Я не хочу судов и грязи ради дочери.

Он привалился к гарнитуру, сложил руки на груди и ждал. Когда я назвала тридцать процентов, улыбнулся. Даже спорить не начал. Я ещё говорила о том, как нам разойтись, а он уже явно знал что-то, чего не знала я.

— Закончила? — спросил он тихо, а затем с размаху пнул стоящий рядом стул. Деревянная ножка с грохотом врезалась в стену.

Я вздрогнула, но осталась у стола. Из детской донесся мамин голос — громче прежнего: она пыталась заглушить его крик сказкой.

— Пополам она делить собралась! — он шагнул к столу, вытащил из лежавшей на столешнице папки плотный белый конверт и со свистом швырнул его мне в лицо. Листы вее-ром рассыпались по скатерти. — Ты берега не путай, Вера! Настя носит моего пацана. Моего наследника, понимаешь ты своей пустой башкой? Настоящего продолжателя фамилии, а не эту вечно сопливую девку, на которую я семь лет только бабло спускал!

Слова ударили под дых сильнее, чем физическая боль. Ксюша... Он назвал нашу дочь «сопливой девкой». Человек, который еще вчера целовал ее перед сном.

— Выметайтесь, — отрезал Олег, наклоняясь надо мной. От него пахло дорогим парфюмом вперемешку с Настиним сладким приторным запахом. — Чтобы через сорок минут твоего духу здесь не было. Забирай свою мамочку, дочку и валите на все четыре стороны. Насте нужен покой, завтра утром я привожу её сюда.

— Ты с ума сошел? — я медленно поднялась со стула, чувствуя, как внутри закипает ледяной огонь. — Это моя квартира! Моя! Мы купили ее на деньги от продажи маминой дачи и мои накопления, которые я собирала пять лет, работая без отпусков! Ты пришел сюда с одним чемоданом с чужой съемной хаты! Ты забыл, кто помог тебе открыть ИП, кто вел твои балансы, кто выбивал тебе первые подряды через моих знакомых?!

— А ты докажи, — тихо, с наслаждением процедил муж.

Он подошел вплотную, глядя на меня сверху вниз с неприкрытым торжеством.

— Помнишь, три года назад, когда мне нужен был крупный заем под оборотку для тендера? Ты, дура доверчивая, подписала согласие на передачу квартиры и доверенность на оформление сделки. Квартира теперь на балансе «Строй-Вектора». На моей компании. Единственно. Юридически ты здесь — никто. Приживалка без права голоса.

Те бумаги я помнила. Подписывала на этом самом столе. Он тогда стоял передо мной на коленях, мешая отодвинуть стул, и целовал пальцы: «Верунь, это простая формальность для банка, через месяц всё верну, клянусь здоровьем матери!» Я уговаривала его встать, говорила, что верю. Теперь хотелось вернуться в тот вечер и отнять у себя ручку. Всего одно движение — и мы с Ксюшей не стояли бы здесь перед чужим хозяином.

— У тебя ровно сорок минут, чтобы собрать тряпки, — Олег посмотрел на свои наручные часы. — Всё, что останется после этого срока, полетит в мусоропровод. Время пошло.

Следующие полчаса превратились в кошмарный, лихорадочный сон.

Мама плакала, беззвучно глотая слезы и суетливо складывая в старый дорожный чемодан сменное белье и теплые вещи. Ксюша сидела на кровати, сжавшись в комочек и прижимая к груди плюшевого зайца. Ее огромные серые глаза были полны ужаса. Она не понимала, почему папа ходит по коридору и громко считает минуты, почему мама с белым, как мел, лицом сгребает в охапку ее школьные тетради.

— Быстрее, Верочка, быстрее, он же правда выкинет, — шептала мама, вытирая глаза фартуком.

— Мама, держи Ксюшу за руку и идите к лифту, — твердо сказала я. — Я заберу остальное.

Я выволокла в общий тамбур тяжелый чемодан с одеждой дочери и свой рабочий портфель с ноутбуком. Ранец надела на ручку чемодана: хотя бы школу у нее никто не отнимет. На плече висела сумка с детским ноутбуком — мы купили его к первому классу, на нем были все Ксюшины учебные программы и презентации.

Олег стоял в дверях квартиры, привалившись плечом к косяку. В зубах дымились сигарета — он никогда не курил в помещении, но сейчас демонстративно стряхивал пепел прямо на светлый паркет прихожей.

Когда я потянулась к ручке чемодана, он резко выставил ногу, преграждая путь, и ухватился за ремень сумки с ноутбуком.

— Это оставь, — лениво бросил он.

— Пусти, — прохрипела я. — Это компьютер ребенка. Ей уроки делать надо!

— Обойдется тетрадками. Ноут покупался с карты фирмы. Значит, имущество компании. Моему сыну пригодится, когда подрастет, — он с силой дернул ремень на себя.

Ксюша на площадке тоненько, жалобно вскрикнула:

— Папочка, не надо!..

Этот детский плач сорвал во мне последние тормоза. Страх исчез. Осталось только бешеное, звериное желание защитить своего детеныша.

— Не смей трогать вещи моей дочери, падаль! — закричала я и всем телом бросилась вперед.

Я впилась ногтями в его запястье, выворачивая кожу, и с размаху толкнула его плечом в грудь. Олег не ожидал такого отпора от всегда покорной жены, качнулся назад и больно ударился затылком о дверной наличник.

— Ах ты сука! — взвыл он, сдирая с меня осеннюю куртку. Раздался треск разрываемой ткани — рукав повис на нитках, обнажая плечо, но я уже вырвала ремень сумки из его ослабевших пальцев.

Я толкнула маму и плачущую Ксюшу в кабину подошедшего грузового лифта, затащила чемодан и нажала кнопку первого этажа.

— Ты сдохнешь под забором, поняла меня?! — орал Олег в закрывающиеся створки, багровея от ярости. — Ни копейки не получишь! Я тебе волчий билет в городе выпишу, ни одна собака бухгалтером не возьмет!

Двери захлопнулись, отсекая его лающий голос. Лифт плавно пошел вниз.

На улице хлестал ледяной ноябрьский дождь вперемешку со снегом. Ветер рвал полы моей разорванной куртки, мокрые пряди волос липли к лицу.

У подъезда мигало желтыми фарами старенькое вызванное такси. Водитель неохотно открыл багажник, куда я с трудом забросила наш единственный чемодан. Мама быстро усадила дрожащую Ксюшу на заднее сиденье, накрывая ее своим платком.

— Садись, Вера, замерзнешь вся, — позвала мама из темноты салона.

— Сейчас, мам. Минуту.

Я сунула руку в карман, чтобы вытащить ключи, и задела мокрую бумагу. Бланки с кухонного стола. Пока собирала вещи, сгребла их вместе с ключами и забыла. Дождь стекал за воротник, мама звала из такси, а я нащупывала слипшиеся края листа — в конце концов, надо же узнать, под чем он собирался получить мою подпись.

Я достала мокрый лист и развернула его в свете фар такси.

На листе было заявление на развод через ЗАГС. Он заранее заполнил мои данные, оставил место для подписи. Ни одного пустого поля для того, что я могла бы решить сама. Значит, весь разговор на кухне ему тоже был не нужен. Ему нужна была моя подпись и сорок минут, за которые я исчезну из квартиры.

Я опустила глаза на графу: *«Наличие общих несовершеннолетних детей»*.

Там стоял жирный, продавленный шариковой ручкой прочерк.

А чуть ниже, в примечании, его четким, размашистым почерком было выведено: *«Детей нет. Спор об имуществе не имеем»*.

Буквы поплыли перед глазами от падающих капель дождя.

Детей нет.

Семь лет назад он встречал меня из роддома с огромным букетом роз. Семь лет он сажал Ксюшу на плечи в парке и кричал, что она его главная принцесса. А теперь, чтобы не платить законные алименты, чтобы быстро и без суда оформить новый брак с беременной секретаршей и не светить доходы своей конторы, он просто написал: *«Детей нет»*.

Я перечитала примечание. Ксюшу он не забыл случайно: рядом ведь специально написал, что споров нет. Сначала лишил её комнаты, потом компьютера, теперь места в заявлении. И мне предлагал подписать всё это — подтвердить, что нашей дочери в его жизни не существует.

Я перестала вытирать лицо. Дождь всё равно смывал и слёзы, и кровь. Лист держала двумя пальцами за угол: хотелось сохранить хотя бы его почерк. Ксюша в такси шевельнулась под маминым платком, и я оглянулась на неё. Нет, этот бланк я ему обратно не отдам.

Отчёты я помнила и без ноутбука. У какого субподрядчика не было рабочих, от кого приходили пустые акты, куда уходили деньги после каждого крупного платежа. Олег хвалил меня за память: «У тебя всё в башке, Верунь, никакой компьютер не нужен». Очень удобно, пока он уверен, что эта голова занята только его удобством. Он ещё узнает, сколько я запомнила.

Он думал, что выбросил на улицу слабую, забитую бабу.

Он забыл, что эту фирму своими руками построила я.

Подняла глаза на светящиеся окна восьмого этажа — на нашу квартиру, где он уже, наверное, открывал виски, празднуя легкую победу.

— Ты сам стёр нас из своей жизни, Олег, — прошептала я в мокрый ночной воздух, и пальцы сжались, превращая лист в мокрый комок. — А я сотру тебя из этого города.

Глава 3

У своей однушки мама долго не могла попасть ключом в замок. Я придерживала чемодан и прижимала Ксюшу к боку. Наконец дверь открылась, пахнуло валокордином, пригоревшей пшённой кашей и застарелым сквозняком.

— Вера... — Мама даже не посмотрела на внучку, прижимавшую к животу свой школьный ранец. Пока ехали, она молчала, а теперь её прорвало. — Ты с ума сошла? Ночь на дворе! Неужели нельзя было договориться?

— Пусти, мам. На лестнице холодно.

Мама зажгла свет и вместо того, чтобы обнять Ксюшу, отступила вглубь крошечной прихожей, заламывая сухие узловатые пальцы.

— Олег звонил. Пока ехали, звонил, орал в трубку, что ты устроила безобразный скандал! Вера, ты в своём уме?! Из собственной квартиры уйти? У меня давление двести! Куда я вас положу? У меня одна комната, ты забыла? У меня сердце!

Чемодан не проходил между тумбой и косяком. Я развернула его боком, перетащила через порог и присела разувать Ксюшу. Ответ маме всё не складывался. Как рассказать человеку, который был с нами в лифте, что из квартиры мы ушли не по моей прихоти? Дочка вытянула мне ногу, молча помогая снять ботинок. Ей бы хоть носки сменить.

— Ты сама видела, мам, — тихо сказала я, разувая Ксюшу. Пальцы дочки были ледяными, как сосульки. — Он выгнал нас. Туда въезжает его беременная любовница.

— Сама виновата! — Мама всплеснула руками, и запах корвалола стал удушающим. — Небось пилила его, ходила вечно с постной мордой в своих отчётах! Мужу ласка нужна, уют, а ты — как сухарь! Теперь нагулял, конечно! А терпеть кто будет? Стерпела бы, перебесился бы твой Олег, куда б он делся с дочерью-то...

— Хватит.

Мама осеклась. Сказала я тихо, почти так же, как минуту назад просила её пустить нас в дверь, но теперь она меня услышала. Выпрямилась, хотя от тяжести сумок ныло между лопатками.

— Мы здесь на три дня. Пока я не сниму квартиру. За свет, воду и еду я переведу тебе деньги завтра утром. Ксюша спит на диване, я — на полу на матрасе. Больше ни слова об Олеге. Ты поняла меня?

Мама поджала губы, шумно шмыгнула носом и, пробормотав что-то про «неблагодарную породу», ушла на кухню греть чайник.

В комнате пахло пылью и старыми газетами. Ксюша сидела на краю продавленной тахты, не снимая пуховика. Её маленькие плечи мелко подрагивали. Она полезла в боковой карман ранца, вытащила оттуда фарфоровую куклу — подарок Олега на семилетие — и замерла. Голова куклы, хрупкая и тонкая, откололась в спешке сборов и теперь сиротливо болталась на резиновом шнурке.

— Мамочка... — Ксюша подняла на меня глаза, и в них стояли такие взрослые, такие страшные слёзы. — Она сломалась. Папа... папа ведь починит? Мы же завтра поедем домой? Я не хочу здесь. Здесь воняет лекарствами. Я хочу в свою комнату! К папе!

Она уткнулась лицом в разорванное кружевное платье куклы и зашлась глухим, судорожным детским плачем.

Она просила домой и к папе. Ждала, что он всё исправит, вплоть до сломанной куклы, — так почему же мы сидим здесь без него? Я не могла заставить её за один вечер разлюбить его и не собиралась. Но как объяснить, что везти к нему игрушку на починку теперь нельзя? От одной мысли снова увидеть его в дверях у меня скручивало живот.

Я опустилась на колени перед диваном, обняла дочку вместе с её сломанной куклой и прижала к груди так сильно, что услышала, как бьётся её испуганное сердечко.

— Послушай меня, Ксюш. — Я поцеловала её в мокрую макушку, вдыхая родной запах детского шампуня. — Домой мы не вернёмся. Тот дом больше не наш. Но я обещаю тебе. Слышишь? Смотри на меня.

Она подняла заплаканное личико, шмыгая носом.

— Мы построим свой дом. Сами. И из него нас больше никогда и ни одна сволочь не посмеет выгнать. Никогда в жизни. Веришь мне?

Она долго смотрела мне в лицо. Я не отводила глаз, хотя пообещала сейчас больше, чем могла купить на деньги в кошельке. Ксюша всхлипнула, кивнула и прижалась ко мне. Я держала её, пока она не перестала вздрагивать: придётся как-то сделать то, что только что сказала. Она мне поверила.

Через два часа Ксюша заснула. Я села на полу у балконной двери и натянула плед до подбородка: от стекла дуло. Всё равно не усну, пока не посмотрю. Настина страница была доступна без подписки. Я открыла её с той отвратительной торопливостью, с какой проверяют больной зуб языком: знаю, что больно, а надо убедиться ещё раз.

Страница Насти была открыта. Новая сторис появилась сорок минут назад.

Короткое видео под тихую джазовую музыку. Наша спальня. Вернее, уже их. На прикроватной тумбочке — зажжённая ароматическая свеча. В кадре — холёная рука с идеальным бежевым маникюром, сжимающая фарфоровую чашку с тонким золотым ободком. Бабушкин свадебный сервиз. Я запрещала даже Олегу пить из него, берегла как память.

На шелковом подоле — знакомый изумрудный блеск. Мой халат. Тот самый, который Олег подарил мне на прошлую годовщину, сказав, что я в нём «королева».

И подпись внизу экрана, с кокетливым сердечком: *«Гнёздышко наконец-то очищено от старого хлама. Начинаем жизнь с чистого листа. Любимый варит лучший кофе в мире»*.

Я приблизила кадр, чтобы проверить рисунок на чашке. Наш сервиз, ошибки нет. И халат мой — изумрудный шёлк, Олег сам его выбирал на годовщину. Мне почему-то стало особенно стыдно за то, как я тогда повернулась перед зеркалом и спросила, правда ли ему нравится. А сейчас он варит кофе для другой. Ксюша за моей спиной спала на тахте, где приходилось подкладывать под бок свёрнутое одеяло.

Я закрыла видео, но тут же открыла снова, проверить, нет ли продолжения. Вот на это они и рассчитывают. На мою бессонную ночь над чужой чашкой. Я заблокировала Настю и отложила телефон экраном вниз. Ноутбук доставала уже намеренно. Пусть ночь будет не совсем потеряна.

Слёзы закончились. Начиналась бухгалтерия.

Утро началось с тихого щелчка СМС-сообщения.

Я стояла у плиты на крошечной кухне, пытаюсь сварить Ксюше какао в щербатом ковшике. Телефон на столе коротко завибрировал.

«Автоплатёж за школьное питание на следующую неделю: отклонено. Карта заблокирована».

В банковском приложении дополнительная карта к счёту Олега была перечёркнута красным. Я открыла семейный накопительный счёт: тот, где лежали деньги на Ксюшины брекеты и ремонт коридора. «Так проценты выгоднее, Верунь», — сказал он, когда предложил оформить на себя. Проценты я действительно проверила. Проверить, что будет с моим доступом, если он передумает быть семьёй, тогда даже в голову не пришло.

Баланс: *0,00 #*.

В статусе блокировки чёрным по белому горела служебная пометка банка: *«Счета заблокированы по заявлению основного держателя в связи с утратой/кражей карт третьими лицами»*.

Он вывел накопления ночью и отключил мою дополнительную карту. Собственный зарплатный счёт открывался, но на нём смотреть было почти нечего. Фирма не платила мне второй месяц. Я покрывала домашние расходы, потому что после сдачи объекта Олег обещал вернуть всё разом. Чужим клиентам я за такую просрочку уже напомнила бы письмом и звонком. Ему верила на слово. Теперь мои же переводы говорили, сколько это стоило.

Я сунула руку в карман пальто, достала кошелек. Пересчитала хрустящие купюры, которые случайно сняла позавчера на рынке.

Шесть тысяч сто сорок рублей. Всё. Мой финансовый запас на неопределённый срок с семилетним ребёнком на руках.

Я снова проверила счёт — как будто со второго раза деньги могли появиться. Шесть тысяч на руках, ребёнку нужно есть, маме я уже пообещала оплатить расходы. Если сегодня не заберу заработанное в «Аудит-Профи», вечером придётся решать, что не покупать. Олег мог представить себе другую развязку: я звоню, прошу, благодарю за десятку. Этого звонка он не дожждётся.

Я открыла ежедневник, вырвала чистый лист и твёрдой рукой записала: *«Наличность: 6 140. Резерв на обед Ксюши: 250. Проезд: 120. Остаток: 5 770. Задача: забрать расчёт в "Аудит-Профи" до 14:00»*.

Перечитала короткий список. Вот с ним пока и разберусь. Про аренду и следующий месяц буду думать после того, как получу сорок восемь тысяч, которые мне должны.

Глава 4

Даже в субботу Пётр Сергеевич сидел в офисе: конец отчётного периода он проводил там охотнее, чем дома. Офис аутсорсинговой компании «Аудит-Профи», где я вела три небольших строительных фирмы на удалёнке, встретил меня гробовой тишиной. Девочки-операционистки, раньше всегда наливавшие мне кофе, при моём появлении синхронно уткнулись в мониторы.

Кабинет генерального, Петра Сергеевича, пах дешёвым табаком и коньяком. Сам шеф — одутловатый мужчина с бегающими глазками — даже не предложил мне сесть.

— Вера Николаевна, — начал он, нервно теребя тяжёлую пепельницу из оникса. — Дело такое... Нехорошо получилось. Очень нехорошо.

— Что именно, Пётр Сергеевич? — Я опустила на стул напротив него, положив руки на стол.

— Мне сегодня в восемь утра Олег звонил. Твой муж. — Он поморщился, избегая моего взгляда. — Он крайне убедительно объяснил, что ты ушла из семьи, прихватив с собой конфиденциальные базы контрагентов. И если я продолжу держать тебя на проектах, у моей конторы начнутся внеплановые проверки из районной управы. А у Олега там, сама знаешь, всё схвачено через замглавы. Мне проблемы с лицензией не нужны, Вера.

— Вы прекрасно знаете, что базы я не трогала. Я вела ваших клиентов безупречно три года.

— Знаю! — раздражённо огрызнулся он. — Но бизнес есть бизнес. Ты баба умная, сама всё понимаешь. Трудовой договор у нас с тобой какой? Никакой. Гражданско-правовой, без фиксации оклада. Поэтому расходимся прямо сейчас. Без обид.

— А расчёт за прошлый месяц? — Я положила раскрытый ежедневник между нами. — Сорок восемь тысяч рублей. Отчёты за третий квартал сданы, претензий от налоговой нет.

Пётр Сергеевич улыбнулся на слове «расчёт». Не на обвинении в хищении, не на угрозе проверки — на моих сорока восьми тысячах. Он явно ожидал, что после разговора об Олеге я просто побоюсь потребовать их. Сдвинул пепельницу на край стола, поближе ко мне, будто и мой вопрос сейчас можно было стряхнуть туда же.

— Какой расчёт, Верочка? Ты фирму под удар подставила. Скажи спасибо, что я по заявлению твоего мужа встречный иск о хищении данных не подаю. Иди с богом. Денег нет.

Я дала ему закончить. Достала флешку из бокового кармана сумки и положила рядом с пепельницей. Помнила, сколько там стоит транзит по «Техно-Строю», и всё равно страшно было произнести эту сумму: ещё вчера мы говорили о ней только шёпотом. Но молчание сейчас стоило сорок восемь тысяч. Моих, не его.

— Что это? — нахмурился он.

— Это выгрузка по фирме «Техно-Строй», Пётр Сергеевич. Помните такую? Проводки за июнь прошлого года. Транзит на тридцать два миллиона через фирму-однодневку в Дагестане с назначением «закупка щебня».

Он потянулся к флешке, но не взял. Посмотрел на дверь, потом на меня. Пятно над воротником заметно побледнело. Пепельницу он больше не крутил — поставил перед собой, заслонив ею то, что я принесла.

— Ты... ты мне угрожаешь?

— Я констатирую факт. Если через две минуты на этом столе не будет сорока восьми тысяч рублей наличными, я выхожу из этого кабинета и иду пешком в ОБЭП. Благо, их окружной отдел находится ровно через два дома от вас. И поверьте, Пётр Сергеевич, меня сейчас совершенно не волнует, чья управа вас прикрывает. Мне нечего терять. Вообще нечего.

Он молчал так долго, что я успела пересчитать в уме ступени до выхода. Через два дома — отдел. Дойду ли? Придётся. Встать и уйти ни с чем после такого разговора было уже нельзя. Пётр Сергеевич наконец отвёл глаза и взялся за ручку ящика.

Пётр Сергеевич шумно, хрипло втянул воздух через нос. Не говоря ни слова, он выдвинул нижний ящик стола, достал пачку пятидесятирублевых купюр, отсчитал десять штук и швырнул их передо мной.

— Забирай. И чтоб духу твоего здесь не было. Стерва.

— Сорок восемь, — холодно поправила я, отсчитала две тысячи сдачи из своего кошелька, положила их на стол, забрала флешку и вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

На лавке лежали мокрые листья. Я смахнула их перчаткой, села и положила сумку на колени. Ноутбук качался, пока устраивала его поудобнее. Ветер мешал попасть пальцами по клавишам; я спрятала руки в рукава и всё-таки открыла браузер. У мамы сейчас спрашивали бы, зачем я поссорилась с хорошим мужем. Здесь хотя бы можно было подумать без ответа вслух.

После резерва на обед и проезд у меня оставалось пятьдесят три тысячи семьсот семьдесят рублей. Аренда, залог, еда — на всё сразу не хватит. Мелким строительным конторам я звонила бы в обычной ситуации, но там первым делом спрашивали фамилию. Олег узнает раньше, чем я закончу рассказывать об опыте. Мне нужен работодатель, которому он не сможет позвонить с приказом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.